

Алексей Чипига

Кто-то небо приводит в окно

Стихи

Издательские решения
По лицензии Ridero
2017

УДК 82-1
ББК 84-5
Ч-63

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Чипига Алексей
Ч-63 Кто-то небо приводит в окно : Стихи / Алексей Чипига. —
[б. м.] : Издательские решения, 2017. — 128 с. — ISBN 978-5-
4483-8029-7

Алексей Чипига родился и живёт в г. Таганроге. Окончил Литературный институт им. Горького. Автор книг стихов «Между солнцем и снегом» и «С видом на утро». Стихи и эссе публиковались в интернет-изданиях «Полутона», «Литеггатура», в журналах «Воздух», «Гвидеон», «Дон», в альманахах «Артбухта», «Новая волна».

УДК 82-1
ББК 84-5

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4483-8029-7

© Алексей Чипига, 2017

Льёт дождь, но помнится одна
Картинка: на зелёных склонах
Смешная шерсть и имена
Погонщиков тоски весёлой.

О, лама милая, прости
И ты прости, услада ночи
За то, что вас благодарю,
А кто-то в сумраке хохочет.

Помнишь
Корова губы в сквозняк опустила
Было щекотно и нежно
Нищий протягивал бересту афиши
Был ветер
Я бы хотел чтобы школьники
Изучали это событие на уроках истории
Оно учит быть растерянным без стыда
А как известно история повторяется
Где-то рядом

Зарапортовался простудился
Вряд ли смог концам-началам внять
Просто долго было оступился
И не оступился смел не ждать

Помнишь во дворе был синий мальчик
Ты почти влюблён в него пьеро
Называл и образ детства нянчил
Нянчил образ света одного

Ну про что это так искренно и ясно
Что есть страх с названьем «вот он я»
Безусловно речь твоя напрасна
Как прекрасна голая земля

Кажется, если б мы были чуть-чуть посерьёзней,
Мы бы не писали музыку и стихи,
Не вели дневников,
Не поддерживали беседу
И, конечно же, не объяснялись в любви,
Если б вообще объяснялись.

Ведь известно, что выражать себя это риск.
Идти навстречу это проигрышная лотерея.
Кто одарён красотой, меньше всего её оценит
Ну и так далее
Вплоть до книжных разбойников и чародеев.
На что они неспособны, так пожать твою руку,
Быть отрывочными незаконченными смешными,
Забывать имена на великом базаре
Одиночеств, пить сумрак последней встречи.

Мы вместо них должны тянуть эту ляжку.
Стесняться желанием,
Понимая, что это нормально,
Беседовать с эхом чужого голоса,
Который казался твоим,
А теперь он подарен квартире, друзьям, молитвам.

И мы знаем, конечно, что надо быть настороже,
Но – удивительный дар – в солнечный день или
в лунную ночь
возвращается наша беспечность

И мы совершаем поступки, раним других, говорим,
Опустошаем себя, становимся вновь никем
В надежде наполниться новым.
Киты на остановке трамвая.
Солдаты под куполом цирка.
Поцелуи на дне океана.

Блики фар наводнением проносятся по забору.
Я люблю стародавнее слово «автомобиль».
Образ: молодость мотыльку проиграла в злом споре.
Больше чуткости оказалось у тех, кто забыл.

Ну и ладно. Мы тоже забудем, убудем, прощая.
Будем спрашивать: это ли жалость, вас можно спросить?
Таким тоном, как будто спросили, сгорая
Безнадежную реку бесед и тревог переплыть.

Ваши слова:

«какая прелесть», «благодарю»

Может быть, в них я только мучим светло

И в фотографиях ваших, конечно

Где вы смотрите на дирижабли в джинсовой куртке, плечо

На котором хочется отдохнуть

Может быть, здесь ничего серьёзного нет

Можно ль в это поверить

Я не знаю какая вы

Я знаю какая вы

Тайна

Ровно столько сколько можешь ты взять а именно: всё
Пляска вечерних огней в беззастенчивой влаге

Ровно столько сколько можешь ты унести а именно: ничего
Прикосновение опыта каждый раз
К белой ране бумаги

Глухая ткань ночного разговора
Уведена за край собачьих просьб.
Покою не даёт покой тот уязвлённый,
Которым сны пронизаны насквозь.

Он видит там божественную спину.
Там удаляется какой-то человек.
А утром – можно ящик передвину.
Спина, спина... не то, а первый снег.

Снег экзотичный в южном измерении,
Хотя есть слух, что было так бело.
Когда не знали о глобальном потепленьи
И с именем твоим злой памяти везло.

Но удаляется великолепный опыт
Распознавания затылка и спины.
А снег, он, видимо, пойдёт в субботу
Перед войной, опять после войны.

Бездна без дна и звезда без да.
Бездарь, не угадай.
Ты отправляешься в зиму, Кай,
Зимние петь провода.

То есть тростиночку меж небес
И голубиным жильём
То есть... – а как тебе нежный лес
Для путешествия в «переживём»?

Да, ведь аскеза нежна, нежна,
Словно бы ночь, где свет.
Бездна без да и звезда без дна
И долгое здравствуй без нет.

Забуть очки в ночном дворе,
Которые не носишь кстати.
Забуть лицо своё в окне.
Пустую позу на кровати.

Прохладной пламени теней
Уже к душе плывёт отчизна —
Ненасытимость отрече...
И далее «во имя жизни».

Какая музыка, такие и дела.
Тень облака незлого за больницей
На города прошедшие легла.
Нью-Йорк, Флоренция... опять немного смысла.

Гусиный срам гармошки и весны
Закадровой. Печален слух афиши.
Страдают под твою сурдинку крыши,
Бессонная гармония воды.

Будто бы знаешь, о чём эти женщины и мужчины,
А на деле знаешь: огонь, поцелуй, вода,
Милые произносимости, полуруины,
Города, чтобы в них говорить: я люблю вас, звезда.

А на деле сгущается музыка поднебесья.
Если посыпет снег, оклики меня в домофон.
Я приду на порог и ты одаришь меня вестью:
Белые мхи, дирижабль, аэроплан, телефон.

Приступ пленительного бессилия
Где гордость остановилась

Песочные часы у замёрзшего моря

Время
Однажды сказавшее
«я приду»

Спасибо, шалость удалась, как говорят злодеи,
Которые всё знают наперёд.
Сегодня день твоей красивой шеи
И глаз моих, смотрящих на неё.

Сегодня день коварного вопроса:
А что такое плоть, поверившая в нас,
Что можем мы принять любую позу,
Спасительную только лишь сейчас?

Пересидеть снегопад в кинотеатре
Выйдя оттуда подумать
После Нового года погода кажется
Чересчур серьёзной

Да разве он новый
Машины едут как прежде покою сдаваться
Тем не менее сумерки наступают
Значит был он всё-таки новым

Ранний вишнёвый горячий
Стал другом дыма
Волнистого старца
И вслед за ним улетел
Долгим покоем восторженным
А слышно
Пакуем
Не чемоданы а мел
Не чемоданы
А снежный таинственный мел

Зимние дымы и трубы-сосуды.
Зимние птицы и зимние губы.
Что-то в богатстве есть от зимы.
В бедности есть тишина от весны.
Тёмная колкость и мука звезды.
Спешная ломкая сладость воды.
Или какая-то свежесть над бездной...
— Вынести б то, что и ты бесполезна.

В громоздких светофорах свет затих.
Мелодия тумана оборвалась.
Ты, он и я, и целомудренный старик –
Зачем мы здесь, где детство улыбалось.

К чему мы здесь, бесслезный капитан,
Что радуется предрассветным крышам?
На кухне целомудренный стакан,
Ты нужен другом жажды нашей, слышу.

И голос как укол
Уже неизлечим
Он больше тела он
Прирос к чертам твоим

Кому-то он свисток
Но для меня поверь
Оживший лепесток
В безумную метель

Пустынная свеча
Молящая о дне
Дупло из-за плеча
Где филин спит о мне

И говоришь ты нет
Но это будто да
Как будто бы в огне
Незримая вода

Помнишь, ты объяснялся со свидетелем Иеговы
О том, что земля во власти известно кого.
В конце этого то ли разглядыванья, то ли спора
Он промолвил: «в конце концов, вы на верном пути»,
оставив со мной моё зло.

О, земля, я смотрю на тебя, ты действительно
в сверхъестественной власти
Зимы и весны, лета и осени, снова зимы.
О, двенадцать месяцев, убеждён, вы где-то дружите
словно в сказке,
Ну а мы, то есть люди, не дружим и говорим «замри».

Время
Когда в лужах появляется головокружение

Когда кошка через ветреную дорогу
Осыпана дарами
Сиренево жёлтого фонаря
Не подозревает об этом

И каждый втайне хотел бы заявить
Что отлично умеет петь
На своём чердаке

А получают только звёзды

Книга счастья ограниченным тиражом
Без поправок

Пасмурный день воскресный
Но вдруг легко
Холмик вишнёвого снега над бездной
Таянье молоко

Ловишь себя на деревьях утлых
На том что не понимаешь как из груди
Просится бедные утра бедные утра
Бедные утра мои

Проходя мимо бедных и дерзких отрывков,
Тёмных заводей со светлеющим оком,
Мимо клеток новёхоньких птичьих на злую продажу,
Где царственно место пустует,
Вдруг придёт на ум, что в отличие от этой отзывчивой
смеси

Лежащая на пути парикмахерская –
Упорядоченная Флоренция
И в ней сады композиторов,
Уловляющих новые течения
Людских волос
В сети сверкающей стали.
Реплику слышишь: они будут целомудренно падать
На лоб и на плечи.
Как хорошо.
Целомудренно падать. Мы.

Свежесть
Похожая на пьеро
Отпевающая несчастья земли

Скорая помощь в соседнем дворе
Крест спасительный
Школьник пустых уроков

Ты приучи себя
К усталости простыни
Ведь она нет-нет а вздохнёт
Облаками текущими сквозь
Города нескончаемых вздохов

Мокрые милые ветки
Если долго подумать
Никто нам не нужен

Просто в надежде добраться до неба
Ешь землю забытого сна
Когда из глухих дворов
Свадьба или зовут на ужин
Или листва облетела
И слышится пей дотемна
Пей обязательно
Дотемна

Жук земли затвердел под ногами. Изжёлто-зелёный
и серый
Завладели прилежнейшей дымкой над вылитой тихим
блаженством
Отдалённой фигурой, злосчастнейшим силуэтом,
Убаюкавшим эту злосчастность притворным кокетством.

Где деревья опушены чем-то чердачным и пыльным,
Я целую улыбку далёкости нежной. О, жалость
Ко внезапно проснувшимся, тем, кто заплакал впервые.
— О, какая могучая яма от взора осталась.

Там собака, хозяин её, если мыслить логично
Или даже собака как друг, если мыслить безбольно.
Но опять огоньки. Исчезающе строгие рифмы
И луна в коллективе февральских камней некрамольна.

Пока только душистая тряпочка, ерунда,
Облагороженная запахом сновидческих яблонь,
Предположительно, чтобы создать атмосферу,
раскачавшую столь банальное никогда,
Сиротливый паром и желанную сердцу заушь.

Мама, я никогда никому не скажу,
Даже если всю постарюсь с румянцем расстаться,
Как я жизнь, эту праздную жизнь на коленях прошу
В этой солнечной комнате больше страданья остаться.

Потому что страданье несносно и срок предрешён,
На всём протяжении будь тем не-собой, что выводит
Хоть куда-то. Синицы на белый балкон
И прохожие словно ничейные в городе ходят.

плачу когда плачу
или плачу когда плачу

возможен ли спор двух веток в безветренное вотще

возможен ли праздник
присягнувший удивительности пропашей
за который ты заплатил
слезами и радугой
в тихом
плаще

Из-под асфальта плит морские голоса
Ведут куда стареют механизмы
Спасибо
Мы забыли адреса
Но голод сопричтён бессмертной жизни

Апрельский мойщик окон или врач
А что такое тело как не око
А без окна годна одна судьба
Освобождённая невинно и жестоко

И по добру не нашему где зло
Так ненасытно глупо примешалось
Расклейщик объявлений в шапито
Он умер
А афиша улыбалась

Листва и огонь
А нынче – бессонный конь
Крупно храпит в промежутках
Становясь леденцом
И огоньки как утро
Под вечерним льдом
Сторожа на пустом заводе
Мышка из тьмы агоний

Да и здесь постепенно светлеет
Огоньки как больные в кроватях домов
Им рассказывают сказку на ночь деревья
На сон грядущий
И вновь и вновь

Музыка до утра побеждает
Принцесса утешение для бедняка
Да и здесь постепенно светает
Чтобы не столь безутешно текла река

Когда ему нравится женщина,
Он хочет прислонить голову
Ей на плечо.

Возможно, это связано с тем,
Что первым воспоминанием в его жизни
Он считает мамино плечо
И окошечко иллюминатора
Вечно нового теперь самолёта,
Показывающее просторные пятна из крошечных домиков,
Рек, и полей, и животных.

Возможно, ему кажется, что стоит голову приклонить
И чьё-то плечо утешит его
Видом на покинутую
Беззаботность.

Доверчивая пустыня марта
С ягодным всхлипом на ветке
Кажущейся тонущей
Принцессой.

Серые дни и капризные кошки.
Тонкие пальцы.

Кажется, нет ничего, что так походило бы на возвращение
блудного сына.
Кажется, нет ничего, что так походило бы на бесстрашие.

Два апельсина на блюде,
Купленные на рынке,
Привезённые из других нехолодных стран,
Круглые неподвижные дети иного солнца.

Слушают дождь за окном
И дождь их как будто
Жалует.

В каждом месяце есть начаток следующего. Белое забытьё
Дороги доверчивой знает, о чём ты, а ты-то уже не знаешь.
Знание отдало себя кожей змеи,
Стало ненужной расчёской для локонов водопада.
Важность сравнится ль со сладкой догадкой горьких
людей?

Солнце и друзья детства. А тебе почти тридцать.
В этом городе постель холодна, а могилы горячи
(Нужно ли добавлять, что город родной) и горяча под
ними земля,

Чёрная беспросветность земли, овеваемая жёлтым
зелёным синим

Розовым веером безмятежных прикосновений.

И из самой мглы

Простота подснежников, неподвижных первенцев
синей глубины.

И тыходишь мыслью в людей, как в храм.

То, что часы отвергли в них, пламенем речи бушует.

Возраст твой — что, например, он значит. По сравнению
с невинной поступью жестокого счастья.

С ожиданием тросточки грома. Замереть и не ответить.

Как, может быть, охотничий рожок,
К которому прилипла сырость взгляда,
Бог весть чьего, а он понять не мог,
Что это взгляд иль паутина рядом.

Какой-нибудь злосчастный нищий фон,
Отложенный к вниманью и страданью,
Как думает сквозь тяжесть или сон
Солдат конверта о своём дыханье.

Пожалуй, важно не забывать гудящее небо марта,
Старого человека, глядящего на самолёт,
Одноклассницу через три воображаемых парты.
Остальное умеет смеяться, запнётся, пройдёт.

Даже так: убогое здание, где существует ветер
Ведь итак не даст оступиться, упасть, забыть.
Это просто твой личный тщеславный герой не заметил,
Что пропажа вся жизнь и бессовестно силится жить.

Он получает письма,
В которых изморозь и туман,
Привыкая к мысли, что нет ничего,
Чего б не могли укутать.
Одеяло мха, собачья преданность,
Детское изнеможенье.

Даже зло, думает он, даже зло,
Драгоценные дни утраты, когда один человек в тебе,
который всегда говорил:

Это шутка,

Безутешно смолкает.

А другой, невозможный, сказавший, что правда,
справляет победу.

Ибо тех, кто ушёл, обрела их бездонная жизнь.

И тебя поразило подлинностью

И укутало изнеможеньем.

Кругозор забит всяческой дрянью.
Не беда, не беда.
Этот мусор расцвёл от сознания,
Что есть солнце, которое да.

А которое нет, — приключалось
Да ушло от стыда.
Потому что спит в зрении жалость
И в огне города.

Отстань пожалуйста, неугомонный бес.
Дай целиком поверить хоть во что-то.
Хоть в то, что яблоки на блюде есть,
А на дворе котов томит зевота.

Не правда ли, что слово тут трамплин
Для обожанья столь далёких целей.
Не плачь, подснежник, бабочка, пингвин:
Ты достоин взоров менестрелей.

Какая мудрая прохлада
Нависла после тяжких туч.
Поверь, мне ничего не надо.
Огонь из сада или взгляда,
Терзай пожалуйста и мучь.

Вот лучшее предназначенье
Для сада, взгляда и огня.
А ты – в тебе тоска ступени
Препятствует бездонной лени
И говорит: пойми меня.

Окружить чемодан,
В котором томится скрипка
Весеннего эха.
Подозревая, что там взрывное устройство.
И навеки быть поражённым,
Что там только скрипка
Для неба и для друзей.

«вот это здорово»

Похвалил кто-то

Дождь

И тут же скрылся

В чешуе непереводаемых

Пылинок

Мы учтём вас
Эндемики
Метеориты укрытые полднем
И первобытной листвою

Наши родители передали нам по наследству
Столетнее облако
Пятиминутный вокзал

По вечерам является жажда
Вернуться в зелёные рынки
В лунные города

Там красавица вывеска дружит
С трепетной швейной машинкой
И зарастает водою
Наш разговор о земле

Когда проносится «проклятые поэты»,
Отчего-то
Представляешь старческий дом
Во время грозы.
Гроза сотрясает изумрудно стекло,
Фехтует с утраченными стихами.
Пляска плюща вдохновляет больных
Доказывать что-то
Про грозную роскошь ада,
Но как только – как бой долгожданных курантов
В новогоднюю ночь, где подарки,
Ведомый им одним молнии тронет удар
Память, –
Никто не спросит, как это было.
Хор знакомый завоет «мы некрасивые дети»
Или что вообще возможно
Знать о красоте
В эту ночь.

Я понимаю тебя.
Понимаю, –
Говорю.
Это находит отклик
В моей душе.

Ведь и я был непонят когда-то
Библиотекарем, дающим
Книги с гербариями,
С которыми мы находили
Общий язык.

Ребята уйдут с футбольных полей
Попросить прощения
У стрижей.

За то, что футбольный мяч
Не давал слушать одних лишь птиц,
Пронзённый закатным лучом
Поражения и
Надежды.

Дерево времени
В промежутке
Меж лицами,
Вращенное их
Разговором.

Помнишь ли вечнозелёное счастье,
Пограничников и святых,
Дистанцию, чтобы понять:
Терпение
Неизбежно.

Я недостоин смотреть на женщин,
Читать романы,
Слушать музыку Моцарта
У скрипача в переходе.

И лишь птичка кричала «достоин, достоин»,
Как достоин разочарованный всякий
Сердца прекрасной неволи.

О радуги невинный алфавит
Не пой красавица почти изнемогая
Пора признаться пушкин но болит
Привычка злая и душа живая

Воображаешь ли иногда
Дома опустелые в ливне трав,
Город, вкусивший дыханье порогов,
Утро нечаянных вывесок,
Когда солнце заходит
И красит кондитерские изделия облаков
И пыльных дорог.

Можешь ли озвучить мечту заветную
Персонажей данной улочки, переулка,
Уносящихся в золотую зелень.
Конечно, скажешь ты, что на базаре поётся:
Безумство любви,
Грациозный танец.
Это так просто.
Телефонная трубка.
Слышать заветный голос,
Но не видеть
Краснеющего лица.

Рыбка влага птичка влага
Поспеши уже назад
Рыбка влага птичка влага
В наш безмолвный детский сад

В белоснежном покрывале
Там тебя я узнаю
И где ангелы прощали
Фонари не защищали
Там прощение пою

Может статься,
Мои любимые города
Флоренция и Нью-Йорк.

В них легко представить
Некрасивых очкастых друзей-студентов,
Реку и свадебный торт.

И это, и это, и то,
Наивно пережитое.
И руки ломал, и пальто,
И зеркало, видишь, больное.

Когда из нас кто-нибудь жил,
Один был искателем смеха,
Другой... но мне вечно нет сил.
Какая святая помеха.

Да, конечно, прохожий, – тебе с ним отчасти комфортно-
Может быть вором, фальшивомонетчиком, составителем
словаря.

Может идти к нищему лётчику для подтверждения счастья.
Но вот возле книжных развалов
Бабушка тебе желает здоровья
Простыми словами,
На которые отважится тот,
Кому нечего терять в мире,
Кроме души.

Что же вы на нас так смотрите,
Бедолаги,
Герои любительских жестов?

Как в сумасшедшем доме
Небритый босой скрипач,
Чувство голода, чувство погони
Играет со мною в мяч.

И не ответить, где он,
Надутый насосом мечты.
Это, наверно, для веры,
То есть чтоб вы стало ты.

О, Боже, люди узнаны в прохожих,
А не в прохожих всё тусклей «лови».

А что ж, не человек ты? Боже, Боже,
Не дай мне быть на мысль мою похожим,
По крайней мере, эту, до любви.

Запейте чем-нибудь глубоким,
Не знаю, синевой небес
Непредставимые уроки
Исчезновения словес.

А то нам будет неприятно,
Что куст стыда расцвёл в крови,
Что зеркала послы превратно
Толкуют древний зов любви.

Вечноянтарный и вечнозелёный
Весёлый остров красок есть листва.
Зерно, рассыпанное под балконом –
И сразу хочется рыдать от естества.

Тем более что голуби исчезли,
А «гули-гули» слышится слону
Дороги белой, хоботу созвездий,
Наивному людскому «почему».

Так подзывают дичь аттракционов
В заросшем буйным смехом парке том:
«О, будьте снисходительны с влюблённым,
С детьми, что разоряют его дом».

Неправдоподобно белое облако
Ласково, как особый подснежник
И как письмо от Бога.

Стоит позади скамейки,
Наблюдает за волшебными родителями,
Наблюдающими крошечный велосипед
И крошечную кроватку.

Дело за малым.

Догадаться об исписанных черновиках,
О белом листе бумаге
И подойти вплотную к сидящему на скамейке
Сну.

Срок пришёл и ни белого флага,
И ни битвы.
Утоли мою полночь, бедняга,
Удивительной тела молитвой.

Удивительны губы, нос, щёки
И нельзя сомневаться нам боле,
Что мы трудные учим уроки
На пленительном поле.

Почему же бессмертная лёгкость
Переходит в опальную трусость.
Это взгляда чужого окольность.
Утоли мою глупость.

Копала тонкой рукою
Ямку в прибрежном песке,
Наполняла водою.
А после сидела в маршрутке,
Закутана в красную шаль.
И казалось,
Рука ещё в ямке,
В каком-то земном
Промежутке.

Воду, как письмо, разворачивающий глоток,
Пустынный и словно босой сверчок,
Но у гения пятки вот не видны.
Ты с другой стороны.

Я имел в виду гения спелых природ,
Что мерцает в стакане воды божеством
Изобилия. Хочешь, свяжи камню рот.
Хочешь, будь этот дом.

Ровно на этом месте
Тысячу лет назад
Не беспокоясь, созвездий
Лица попали в твой взгляд.

Место не изменилось.
Время ушло как король.
Или нам весело снилась
Боль. За познанием боль.

В автобусе нарисованный букетик мороженого

Комплименты брошенным травам

Когда выйдешь на остановке

Будет луна

Послесловие взгляда

О, как мучает доброта постели,
Как не хочется пробуждаться на божий свет
И не в этот час, но песенка спета, и мне ли
Шелестеть губами уходящему звуку вслед.

Уловить пытаться исток странной свободы, дарованной
телу.

Звёзды плакали мёдом, города опускались на дно.
В чём же дело, в чём наше страшное дело,
Если не свет впустить в комнату, раскрывая окно.

Выпавший
Не на улицы
А на нашу долю
Свет

Где ты затерялся
Средь бесчисленных губ
И какие из них
Произносят правильно
«до свиданья»

Я море понесу в своих глазах
Куда угодно.
Сверчок под больничной подушкой,
Напоминай о том, что ещё есть свет
Радужною монеткою в коридоре.
Добрые горбатые учителя,
Дайте щемящий ключ от морского дома.
Летний полдень – оса и летняя ночь-звезда
Немного вкось
Обмахиваются тоской,
Навсегда знакомой.
Это заслуга времени.
Быть вместо часов.
Прорастать лекарственным эхом, входить сквозь ресницы.
Пациент получает своё не готов.
Доктор, вам это снится.

Жёлтый автобус зелёный трамвай
Это я выучил назубок
Трепетные имена
Городского транспорта где спит голубок

Лучше смотри карусель остановок нехоженым цирком
земля

Трудно ль быть милым трудно ли быть дорогим
И не таким как я не таким как я
Словно бы отвечая кому про дым

Удивительно

Он смотрит заворожённо
На объявление «волосы для театра».
Белый простой неподвижный листок,
Едва ли похожий на смысл этих слов,
За которыми провинциальный актёр
Принимает в дар
Часть своего обаянья

Он стоит на базаре.

До него доносится гул торговли
И упоминание о театре заставляет быть внимательным
К мелочам.

Я готов потихоньку стареть.
Даже петь я почти что не буду.
Что-то вырвалось, злобная месть
Нас всегда ожидавшему чуду.

Посмотри, как меняется день.
Разве старятся воздух, фиалка?
И за ними – прилежная тень –
Полувеликодушия лень,
На конверте воздушная марка.

Сидящая на синем грузовике,
Привозящем арбузы,
Прохлада
Кормится отдыхом голубей
И секретом Полишинеля.

До нас доносятся обрывки школьного сочинения.

Ветер.

Какая досада.

Танец длиною в облако.

Мост обольстительной шеи.

Года идут, сказали мне,
Да что идут – летят.
И всё-таки на пять
Я расколдую на твоём плече
Задачку
Про седеющих ребят.

Вечерами на деревянных лошадках
Катаются тайны мадридских дворов.
Помни меня без остатка.
Будь настолько суров.

Трудно сказать, для чего эта пряная сила,
Голос старухи сухой.
Перед осенью лето вопило,
Шло на покой.

Как, почему я хочу, чтобы сглазил
Смутный прохожий меня.
В серый карман подозрительно лазил
Демон, маня.

Там у него свой инструментарий.
Грустная прыть.
Господи, надо ли нюхать гербарий
Прежде чем жить?

Ночь с интонацией верной руки
Тайно ведёт через лес.
Рядом с огнями и тени легки.
Трое свернули в подъезд.

Дай провожу их до грани, где лёд,
Где они вывих под дых.
Дай уроню их, а утром придёт
Ветер – врач комнат пустых.

Впрочем, какие же мы.

Это всё я, я, я.

Это время, направленное ко мне —

Единственному и неповторимому призу

За верность

Мыльному пузырю и швейной машинке.

Кузнечик —
дон-кихот
пустой строки

подушка
дульсинея
огоньки

«давай перенесёмся на машине времени
где смогу избежать ссоры с братом»
это было так рядом
мы были ступенями
божьего взгляда

Неусыпности, взявшейя из ниоткуда,
Разговорам сквозь липкие стены бумаги
Посвящаются поступи медленной флаги,
Отдалённой рекламы ранимое чудо.

Автофары машин обнажают дорогу,
Освещая всклокоченный облик растений.
Я люблю эти байки, траву и тревогу
Потому что мой слух безусловнейший гений.

Я люблю сухофрукты на нищих носилках
У торговцев туманов и лун четверговых.
Сердце августа, тёти и дяди в улыбках.
Каждый хочет спастать иль терзатъ неготовых.

Слух провожает музыку земли.
Взор провожает красоту земли.
О Господи. Теплели огоньки
И в паузах рождался взмах руки.

Хочется улететь, улетай.
Хочется отдавать, отдавай.
Только не говори никому,
У кого ты в плену.

Только не отдавай никогда.
Хотя ладно, известно и так,
Что есть некий голос божья роса
И глаза перед тьмой натошак.

Стихи,
Как это письмо под живой ладонью,
Как снеговик от чёрных дождей весны.
Каждый имеет небо под ролью, под данной когда-то
ролью.
Каждый имеет роль по ту сторону от войны.

Если же роль задубеет, небо нам скажет: здравствуй.
Здесь собрались только звёзды, нету здесь поводырей.
Тонким маршрутам печальных руин не препятствуй,
Весело компас разбей.

Так продолжал нас товарищ внутренний голос
И до сих пор я не верю ему, доверяя ему.
Если, о сердце, удача как северный полюс,
Если, о если... прыжок в заповедную тьму.

Быть может, нам дома нужны, чтоб мы в них говорили.
Чтоб в безопасности простая речь была.
А то на воздухе неловко быть любимым
Своим же словом о дыхании вола.

Послушай, вижу я, как я иду по рельсам
В наполненный речами старый дом.
Быть может, вся природа — лишь надейся,
А человек — как плач, как миг, как гром.

Как хорошо,
Что никто никогда не поставит
Памятник ветру.

Сколько можно стенать о звёздах
О солнечном свете
Как будто уже ничего
Нет на планете

Как будто уже ничего
Кроме парус я вижу парус
И бесстрашным быть хорошо
И бессмертно всё начиналось

Он тебя соблазняет, а ты его терпишь.
Старый кот, облака сквозь решётку укора.
На чём мы остановились в прошлую среду.
На починке нетелефонного разговора.

Что с него взять, обкатанного прибором,
Вращаемого сердцами.
Мы над ним смеёмся, как над учителем в школе,
Но одними глазами.

Ночные бабушки делятся рецептом туманов,
А печальные школьники мимо прилавков с танцорами
ходят.

Погадай на футбольном мяче. На спортивной площадке
Воздух тебе ответит, это его не беспокоит.

Где-то там, где губы встречаются со словами,
Найти бы тебе приют, золотое сердечко.
Я больше не верю в землю, укравши её шагами.
Помолчим, милый друг. Мы какая-то рифма к овечке.

Главное благословить
И увидеть, как они любят друг друга

Звуки на улице, листья и травы,
Птицы

Как они отдают свою юность друг другу
Самое дорогое

И уходят за лес и за горы,
За наши с тобой качели.

О, святая пристрастность, напрасная в ком-то другом.
О, напраслина ада без рая.
И под чёрной водой, и над узким ребяческим ртом,
Веселясь, догорая.

– Что вам, дочери, привезти, если знаете вы
Отраженья азарта?

– Привези нам великое слово «увы»
И звезду после парка.

Привези нам отсутствие флага лица,
Чтобы мы в нём лицо ощущали.
Привези нам сердца, привези нам сердца.
Мы давно им внимали.

На четвёрочку с пятёрочкой
Нас пронзает это зло:
Убояться обречённости,
Что всегда нам не везло.

Ах, неправда. Посмотрите-ка,
Как мы счастливы от туч.
Прежде грусти в сердце нытика
Участи весёлый луч.

И идут, как полагается,
Три вороны налегке
По аллеям и чураются
Эха. Вздоха на песке.

Называешь собой
То, что дано увидеть сейчас. Остальное
Это мир. Поэтому тронешь его,
Как буханку хлеба слепой,
Как плечо задремавшего пассажира
И возвратится незавершённое эхо болезни.
Счастливы ли жёлтый птенец в реторте? Не это, быть может,
а то,

Что когда веришь в вызовы чувства,
Невидимое колесо обозрения
Подхватывает и держит на зрячей ладони.
Рынок чудес, ужасная святость его.
И песок одиноких пляжей улыбается в луче
безвозмездном.
Смеётся Пьеро
Паутинке на левой щеке
И осыпается музыка милостью отреченья.

Собеседник заветный
Жёлтый мой самолётик на кухне
С праведным парашютом
Перил поезда
Гулкий поезд прищепок
В правильном освещеньи
Вообще
Любая вещь
Родинка смысла
На закланье любви
Не моей
Нет не я
Ей садовник

Снег снился

Он выростал
Из медленного удивления

А проснулся

И тучи и свет тучи и свет
Голос мой мне
Улыбнулся

Про радость сейчас
Ещё печальнее чем про грусть
Видимо оттого что первой в отличии от второй
Нет конца

Где слабость молит кончай мне надо запомнить тебя
наизусть

Ускользящий стыд аромат
Луны и лица

Скорее, скорее откройте ворота.
Ведь их запирать бесполезно.
У гибкого тела черты самолёта
Над чёрною бездной.

И каждый ушедший был так бесполезен,
Был так поднебесен.
И каждый из нас был святой сумасшедший
Ушедший.

Пришедшего с улицы
Спрашивают, холодно ли во дворе.
Вот что значит быть неверным:
Говорить холодно или тепло,
Когда ты знал только палочку-выручалочку
Меняющихся пейзажей.

Одинокие псы
На карусели рынка
Катаются без покупок

В горькой темноте
Луга смиренного света
Где нас пасут
Голоса

Оставь на подоконнике куклу из облаков,
Старый трамвайный билет, вещество копилки.
Это будет садом твоих скороспелых снов.
Это будет слезами твоей безыскусной улитки.

Что ещё надо теченью пустых садов.
Видишь, слепые часы вышагивают в аллеях
Повесть о том, как прощает сердце, скудеет кровь
И не хочется больше всего говорить о целях.

Озеро сетки бейсбольной,
В неё попадает планета мяча.
Пауза после азарта
В игроков приносит прозрачность.

Что-то сделала с ними игра.
Они стали бережней слышать пропажу.
Непостижимы на вид
Лекарство и песня.

Виделось
Я укладывал чемодан
В комнате где шутили
Воск вечеров скопился и озарил наши лица

Я посмотрел в окно

Как будто не мы уезжаем
А место где нечем напиться
Ветка-сухарик
Морщинка
Последнее зло

Так много сказано в месте, где мы предавались молчанию,
Что уже ничего не узнать, по-видимому, на земле.
Вот что мы строили. Стену прерывистого дыхания,
За которой наш голод спасён и еда на столе.

И как самое дерзкое слово уходит, уходит
Столь безропотно, что в эхе слышится Бог,
Мы уходим в свой голод, в свой странный единственный
голод
Между рук, между листьев гербариев тех, между строк.

Дорогой Наполеон Бонапарт, осень это остров Святой
Елены,

Прозрачная чешуя распада и губы в кровь.
Учительница-синица, учительница-измена
Едет на грязные танцы с портфелем стихов.

День и ночь вспоминаешь о букинистической архитектуре,
О весёлых индейцах глаз среди грустных книг.
Реки, которые объединяют, безумны,
Но и мудры для того, кто всю нежность постиг.

Длинная нежность после того, как противно тело,
Дерзостный колокольчик перед зияньем волшебного
бытия.

Готические соборы остывших листьев гудят «я твоя
королева»,

Но кто это восклицает, кроме тебя.

Дорогой дневник
Дорогой дневник
Дорогой старик
И собака по кличке Дунай за левым плечом
Я уже устал я уже устал и привык
Ну а ты с твоим мёртвым и буквенным хладом уже
ни при чём

Это кто-то так шепчет зачем ты пришла в этот миг
О усталость когда ни связать ни спросить почём
Дорогой улетающий крик
Дорогой старик
И собака по кличке Дунай за левым плечом

И каждый дом похож на ту пекарню,
Где выпекают солнышко сухое.
И кто-то отвечает «жалко парня»
На гулкое пространство молодое.

Пространство – парень с голыми руками,
В них положить бы воск от нашей свечки.
Деревья осенью красиво покидают
Пожар прохлады, лиственной овечки.

Удерживай это чувство пока
Оно не превратится
В подснежник

Удерживай этого человека пока
Он грешник

Если чем-то и лакомится мечта
Так видением полной утраты

Страшилища на огороде беги суета
Пугала
Точной даты

Что это за место
Которое обозначается словом «здесь»

В этой комнате
В этом городе
В этом мире

Здесь
Настолько большое чтобы быть оправданием там
Настолько маленькое
Чтобы в нём уже не обмануться

В пригородном поезде
Мальчик в матроске
Озарён словно чайка
Исповедью солнечного луча

Сорванный лист пейзажа
За которым ветвится ветер
Ты уже не узнаешь
Имя ласкового плеча

С лихостью фальшивомонетчика
Кидает прибой
Пригоршню львиных грив
На ладонь закатного пляжа

И трепещешь ты перед суровым богатством
И думаешь о маяках
Сказках невольных слов

Белая бабочка между рельсов
В путь зовёт благоуханный кустарник
В путь
Нежной смены одежд

Паства всё новых волн
Разбивающихся о веру
В существование моря

Словно был глас
Будь напоследок
Живым

Друг похож на осеннее дерево в конце летнего пляжа.
Кто мой друг, отзовись,
Стон молочный луны на мосту

Милый порог

Граница

Электричества и тёмной свежести ночи

Кажется в темноте

Обрывки речей более невесомы

Чем две половины стола

Птица ночная

Ладонь

За лёгким пиром наш гость

Птицы летят
Подобно рукам невидимки-дирижёра
Улетающим вслед за жестом

Вот что значит свобода
Когда нечто зримо а нечто незримо
И одно послушно другому
В конце пути

Насладиться
Снегом в оранжерее

Белые хлопья
И зелень укрытая словно путник

На перекрёстке слуха
Как падает долгожданный гость
Как ему подстилают
Даль

Над чернильницей острого дома
Облака странно близкие сердцу
Письма к датской принцессе Барклай

Тихий шёлк
Хорошо
Кто-то небо приводит в окно
Как ослёнка в сарай

Чёрный кот здесь прошёл

Ну а там

Наступила зима

Перед радостью есть
Непечаль
Девочка непечаль.

Оглавление

«Льёт дождь, но помнится одна...»	3
«Помнишь...»	4
«Зарапортовался простудился...»	5
«Кажется, если б мы были чуть-чуть посерьёзней...»	6
«Блики фар наводнёнем проносятся по забору...»	8
«Ваши слова...»	9
«Ровно столько сколько можешь ты взять а именно: всё...»	10
«О, какое густое предсудорожное наступает...»	11
«Глухая ткань ночного разговора...»	12
«Бездна без дна и звезда без да...»	13
«Забуть очки в ночном дворе...»	14
«Какая музыка, такие и дела...»	15
«Будто бы знаешь, о чём эти женщины и мужчины...»	16
«Приступ пленительного бессилия...»	17
«Спасибо, шалость удалась, как говорят злодеи...»	18
«Пересидеть снегопад в кинотеатре...»	19
«Ранний вишнёвый горячий...»	20
«Зимние дымы и трубы-сосуды...»	21
«В громоздких светофорах свет затих...»	22
«И голос как укол...»	23
«Помнишь, ты объяснялся со свидетелем Иеговы...»	24
«Время...»	25
«Пасмурный день воскресный...»	26
«Проходя мимо бедных и дерзких отрывков...»	27
«Свежесть...»	28
«Мокрые милые ветки...»	29
«Не понимаешь, что для чего грозит...»	30
«Жук земли затвердел под ногами. Изжёлто-зелёный...»	31
«Пока только душистая тряпочка, ерунда...»	32
«плачу когда плачу...»	33
«Из-под асфальта плит морские голоса...»	34

«Листва и огонь...»	35
«Да и здесь постепенно светлеет...»	36
«Так ясно, что они проходят, как лица...»	37
«Когда ему нравится женщина...»	38
«Доверчивая пустыня марта...»	39
«Два апельсина на блюде...»	40
«В каждом месяце есть начаток следующего. Белое забытьё...»	41
«Как, может быть, охотничий рожок...»	42
«Пожалуй, важно не забывать гудящее небо марта...»	43
«Он получает письма...»	44
«Кругозор забит всяческой дрянью...»	45
«Отстань пожалуйста, неугомонный бес...»	46
«Какая мудрая прохлада...»	47
«Окружить чемодан...»	48
«вот это здорово...»	49
«Мы учтём вас...»	50
«По вечерам является жажда...»	51
«Когда проносится «проклятые поэты...»	52
«Я понимаю тебя...»	53
«Ребята уйдут с футбольных полей...»	54
«Дерево времени...»	55
«Я недостоин смотреть на женщин...»	56
«О радуги невинный алфавит...»	57
«Воображаешь ли иногда...»	58
«Рыбка влага птичка влага...»	59
«Может статься...»	60
«И это, и это, и то...»	61
«Да, конечно, прохожий, — тебе с ним отчасти комфортно-...»	62
«Как в сумасшедшем доме...»	63
«О, Боже, люди узнаны в прохожих...»	64
«Запейте чем-нибудь глубоким...»	65
«Вечноянтарный и вечнозелёный...»	66
«Неправдоподобно белое облако...»	67
«Срок пришёл и ни белого флага...»	68
«Копала тонкой рукою...»	69

«Воду, как письмо, разворачивающий глоток...»	70
«Ровно на этом месте...»	71
«В автобусе нарисованный букетик мороженого...»	72
«О, как мучает доброта постели...»	73
«Выпавший...»	74
«Я море понесу в своих глазах...»	75
«Жёлтый автобус зелёный трамвай...»	76
«Удивительно...»	77
«Я готов потихоньку стареть...»	78
«Сидящая на синем грузовике...»	79
«Года идут, сказали мне...»	80
«Вечерами на деревянных лошадках...»	81
«Ночь с интонацией верной руки...»	82
«Впрочем, какие же мы...»	83
«Кузнечик ...»	84
«Давай перенесёмся на машине времени...»	85
«Неусыпности, взявшей из ниоткуда...»	86
«Слух провожает музыку земли...»	87
«Хочется улететь, улетай...»	88
«Стихи...»	89
«Быть может, нам дома нужны, чтоб мы в них говорили...»	90
«Как хорошо...»	91
«Сколько можно стенать о звёздах...»	92
«Он тебя соблазняет, а ты его терпишь...»	93
«Ночные бабушки делятся рецептом туманов...»	94
«Главное благословить...»	95
«О, святая пристрастность, напрасная в ком-то другом...»	96
«На четвёрочку с пятёрочкой...»	97
«Называешь собой...»	98
«Собеседник заветный...»	99
«Снег снился...»	100
«Про радость сейчас...»	101
«Скорее, скорее откройте ворота...»	102
«Пришедшего с улицы...»	103
«Одинокие псы...»	104
«Оставь на подоконнике куклу из облаков...»	105

«Озеро сетки бейсбольной...»	106
«Виделось...»	107
«Так много сказано в месте, где мы предавались молчанию...»	108
«Дорогой Наполеон Бонапарт, осень это остров Святой...»	109
«Дорогой дневник...»	110
«И каждый дом похож на ту пекарню...»	111
«Удерживай это чувство пока...»	112
«Что это за место...»	113
«В пригородном поезде...»	114
«С лихостью фальшивомонетчика...»	115
«Белая бабочка между рельсов...»	116
«Паства всё новых волн...»	117
«Друг похож на осеннее дерево в конце летнего пляжа...»	118
«Милый порог...»	119
«Птицы летят...»	120
«Насладиться...»	121
«Над чернильницей острого дома...»	122

Алексей Чипига

Кто-то небо приводит в окно
Стихи